

Л. А. Моря

Художественное пространство как средство характеристики персонажа в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (лексико-семантический комплекс пространства Лаврецкого)

В статье рассматривается категория художественного пространства с точки зрения лексических средств её выражения на материале романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». В рамках категории художественного пространства исследуется пространство персонажа на примере главного героя романа «Дворянское гнездо» Федора Ивановича Лаврецкого. Выявлены основные топосы и локусы (структурные компоненты художественного пространства в произведении), связанные с главным героем романа и служащие для его характеристики. Так, пространство героя включает в себя локус дома, а также топосы деревни и родины. Описаны лексико-семантические средства, служащие речевой основой пространства главного героя в романе, которые включают лексемы как с пространственным, так и непространственным значением: прежде всего это слова лексико-семантического поля «дом» (дом, дома, бездомный, птенчик, гнездо) и лексико-семантического поля «деревня» (топонимы Васильевское, Лаврики; слова и словосочетания мужик, помещик, пахать землю, деревенская глушь). Отношение героя к дому, деревне и родине становятся главной его характеристикой, делают его выразителем авторского замысла, основного комплекса идей писателя в романе.

Ключевые слова: художественное пространство, топос, локус, герой, персонаж, лексема, лексико-семантическое поле, лексическая группа, лексическое значение, сема, контекст.

Для цитирования: Моря Л. А. Художественное пространство как средство характеристики персонажа в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (лексико-семантический комплекс пространства Лаврецкого) // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 114–124. DOI 10.35231/25419803_2023_2_114

Тексту в целом свойственна категория художественного пространства, которая выступает как «организационный центр сюжетных основных событий романа» [2, с. 398], «континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [5, с. 258]. Но внутри этой общей категории существует интимное, личное пространство героев – то, которое они занимают, в котором реализуются.

Категория литературный герой – одна из важнейших в художественном произведении: «...именно они, отдельные характеры и личности, являются тем индивидуальным, конкретным, через которое постигается универсальное, общее» [4, с. 149]. На протяжении произведения герои живут и действуют в строго отведённом им пространстве, между героем и художественным пространством возникает связь, на которую первым указал М. М. Бахтин: «Хронотоп как формально-содержательная категория в значительной мере определяет и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [2, с. 235]. Под хронотопом учёный понимает неразрывное единство художественного пространства и художественного времени в литературном произведении.

Ю. М. Лотман говорит о связи персонажа и его пространства так: «Если в художественном пространстве несколько типов пространства – герои принадлежат одному из них, переходят из одного в другой или попеременно появляются то в том, то в другом <...>. Каждому пространству соответствует особый тип отношений функционирующих в нём персонажей» [5, с. 265].

Материалы и методы

В романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» пространственная характеристика текста достаточно разнообразна: это поместная Россия, Москва, Петербург, Париж. И путь каждого персонажа соотнесён с определёнными пространственными координатами, топосами и локусами (по терминологии Ю. М. Лотмана), которые характеризуют персонажей.

На уровне текстовой и лексической семантики соотнесённость героя и его пространства выражена в совокупности текстовых связей лексем с пространственным значением, на пересечении которых и существует герой в тексте. Л. Г. Бабенко заключает: «Исследователи категории литературного персонажа отмечают в качестве её значимых характеристик наличие общего семантического центра, соотносящего серию портретных зарисовок, эпизодов, описаний действий и внутренних состояний и скрепляющего их в определённое единство, функционирующее в многообразных сюжетных ситуациях» [1, с. 117–118]. Поскольку наиболее значимым ключевым

словом в тексте романа является дом, точнее, его смысловой эквивалент – гнездо, то можно предположить, что таким семантическим центром, доминантой для каждого персонажа романа будет его отношение к дому.

Лаврецкий, главный герой романа, несомненно, один из любимых героев Тургенева, выразитель его сокровенных мыслей. Ни с одним героем романа не связано столько пространственных номинаций, как с Лаврецким: с одной стороны, он наиболее полно живёт в пространственном мире текста, наиболее свободно в нём перемещается; а с другой, трудно выделить топос или локус, который был бы прикреплён к герою на протяжении всего действия.

Результаты

Особое место в пространстве главного героя занимает локус дома: сюжетное движение героя «завязано» именно на доме – в начале романа Лаврецкий вернулся домой, а из истории семейства Лаврецких мы узнаем, почему Фёдор Иванович покинул родное гнездо. В эпилоге же произведения, буквально на последней его странице (а окончание текста является сильной позицией, которая «служит для понимания текста» [6, с. 85]) писатель говорит о своём герое как «одиноким, бездомном страннике» [10, с. 252].

Эпитет *бездомный* деривационно и по смыслу соотнесён с понятием «дом» и непосредственно указывает на него: *бездомный* – «не имеющий жилья, приюта» [9, I, с. 339]; «у кого нет своего дома, крова, приюта» [3, с. 43]. Употребление данного определения в прямом значении в указанном контексте представляется нам нелогичным: у Лаврецкого есть дом – и в Лавриках, и в Васильевском; следовательно, слово имеет здесь переносный смысл. Очевидно, оно выступает как синоним слова *одинокий* («не имеющий семьи, близких» [9, VIII, с. 677]), в связи с этим можно вспомнить, что и лексема *дом* в одном из значений – это «семья, домочадцы» [3, с. 216]. Подобное значение у слова *бездомный* вполне оправданно: герой лишён семьи, и автор сообщает нам об этом с помощью указания на его отношение к дому.

Бездомность героя находит своё выражение в тексте и иными средствами. Вот первая встреча героя с его дедом:

«Он (Петр Андреич. – Л. М.) встал и нагнулся к Феде; ребёнок улыбнулся и протянул к нему свои бледные ручонки. Старика перевернуло.

– Ох, – промолвил он, – сиротливый!.. Не оставлю я тебя, птенчик» [10, с. 145].

Слово *сиротливый* имеет два значения: 1) «одинокий... не имеющий родных, близких» [9, XXIII, с. 851], 2) «тоскливый, унылый» [9, XIII, с. 851]. Ни одно из них не может быть реализовано в указанном контексте: слово во втором значении вступило бы в противоречие с глаголом *улыбнуться*. Первое же значение не может быть употреблено, поскольку у героя живы ещё и отец, и мать. Значит, слово употреблено в переносном значении и означает, что ребенок лишён должной заботы со стороны родителей, общения с ними (и действительно, отец Лаврецкого всё время живёт за границей, а у матери мальчика отняли, отдав на воспитание тётке). Ассоциативно слова персонажа, деда Лаврецкого, указывают на то, что у мальчика нет семьи (в значении этого слова основной компонент предметного значения – «отношения детей и родителей»: так, семья – это «группа... родственников» (родители с детьми) [9, XIII, с. 637; 7, с. 618] или «совокупность близких родственников... родители с детьми» [3, с. 585]), а значит, у него и нет дома.

Здесь же Петр Андреич называет внука *птенчик* (уменьшительное от *птенец* – «детеныш птицы» [9, XI, с. 1636]) – словом, которое ассоциативно связано с *гнездом* («сооружение из глины, листьев, устраиваемое птицами для... вывода птенцов» [9, III, с. 172]). Общие семы связывают слова *птенец* – *гнездо*, *гнездо* – *дом*; ведь обратившись так к маленькому Феде герой как бы принимает его в свой дом – гнездо Лаврецих.

Женившись, Лаврецкий – не по своей воле, а под влиянием жены – согласился на отъезд его тётки из Лавриков (родового поместья). И Глафира Петровна проклинает племянника: «...Не свить же и тебе гнезда нигде, скитаться тебе век. Вот тебе мой завет» [10, с. 157]. Лексическое окружение слова *гнездо* в этом фрагменте, а именно глагол *скитаться* («странствовать» [8, с. 627]), предполагает реализацию слова *гнездо* в значении «пристанище, приют, кров», то есть как синоним дома в широком смысле. И, по словам героини, Лаврецкий этого дома должен быть лишён.

«Завет» Глафиры Петровны исполнился. Когда после долгой разлуки Варвара Павловна приезжает к мужу, Лаврецкий, проскитавшись ночь по улицам города, пришел к Лемму: «Он думал о том, как жена выгнала его из дому...» [10, с. 217]. Слово дом может быть понято здесь в прямом смысле как «жилище» (ведь Лаврецкий ночевал в доме Лемма), то есть жена заставила его покинуть свою квартиру. Но благодаря семантическим связям с другими лексемами значение слова дом в данном контекста можно переосмыслить.

В контексте («...жена выгнала его из дому...» [10, с. 217]) присутствует слово со значением брачно-семейного родства: жена – «замужняя женщина (по отношению к своему мужу)» [9, IV, с. 74]), что косвенно напоминает читателю о том, что дом – это и «семья». То есть Варвара Павловна не только вытесняет мужа из его пространства, но и разрушает их семью, ведь брак распался по её вине.

Марья Дмитриевна Калитина старается помирить Лаврецкого с супругой, после чего «...Лаврецкий отправился к себе, заперся в комнатке своего камердинера» [10, с. 241]. С одной стороны, герой прибыл «к себе» (в значении «домой», то есть в свой дом, квартиру), но, с другой стороны, он остаётся в «комнатке своего камердинера» (*камердинер* – «домашний слуга» [9, V, с. 729]), то есть фактически в чужой комнате, принадлежащей другому человеку, слуге. Более того, герой «заперся» (*запереться* – «закрывать за собой дверь; скрываться, уединиться» [9, IV, с. 768]), отгородился в замкнутом пространстве под влиянием чувств, вызванных примирением с Варварой. Значит, жена «выжила» его из обжитого им пространства даже внутри дома.

Таким образом, для Лаврецкого потеря дома как пространства прежде всего сопряжена с отсутствием семьи. И на протяжении всего романа подчеркивается бесприютность героя, причём пространство дома (как и его отсутствие) фиксируется и пространственными, и непространственными номинациями: так, в лексико-семантическое поле со значением «дом» в тексте романа включаются такие лексемы, как *бездомный*, *сиротливый*, *птеньчик*, *гнездо*, на основании общих сем значения: семы 'жильё' и семы 'семья'.

Отношение героя к пространству дома обозначено в романе также с помощью слов лексической парадигмы топоса

деревни. Вот Лаврецкий избрал свои местом жительства Васильевское, село тётки. «Вот я и дома, вот я и вернулся», – подумал Лаврецкий, входя в крошечную переднюю...» [10, с. 168]). *Дома* означает «в своём доме», и это значение подкреплено значением слова *вернулся*. Но герой никогда не жил в этом доме – дом принадлежал его тётке: автор называет его «домик Глафиры Петровны» [10, с. 171]. В связи с этим слово *дома* приобретает более широкое значение – «в родных местах», а поскольку Федор Иванович в Васильевском, то слово *дома* соотносится с топосом деревни.

Связь главного героя с деревней выражают лексемы как с пространственным значением, так и с непространственным, последние примыкают к лексико-семантическому полю «деревня» благодаря общим семам. Деревня – это «крестьянское селение» [3, с. 208; 8, с. 138], то есть слово содержит сему 'крестьянский, крестьянин', что очень важно для характеристики героя. Вот описание маленького Лаврецкого: «...Он был довольно бледен, но толст, нескладно сложен и невысок, настоящий мужик, по выражению Глафиры Петровны...» [10, с. 149]. Мужик – «крестьянин (по противопоставлению с горожанином)» [9, VI, с. 1344]: тётка называет так племянника, имея в виду его происхождение от матери-крестьянки, а также типично «мужицкую» внешность: *настоящий* [мужик] значит «полностью подобный кому-чему-нибудь, несомненный» [9, VII, с. 540].

Мужиком Лаврецкого называет и Калитина: «Марья Дмитриевна с неудовольствием посмотрела ему вслед и подумала: «Экой тюлень, мужик!»» [10, с. 163]. Здесь слово *мужик* употреблено, как нам кажется, скорее в значении «невоспитанный, необразованный человек» [9, VI, с. 1344]. Под влиянием контекстуального синонима *тюлень* («о неуклюжем, неповоротливом человеке» [9, XV, с. 1215]) слово приобретает оттенок значения «неучтивый человек, не умеющий себя вести». Однако при этом оно сохраняет «память» о своём прямом значении.

Сам Лаврецкий хорошо помнит о своём крестьянском происхождении: «...Прадед мой мужиков за рёбра вешал, а дед мой сам был мужик...» [10, с. 161]. В данном контексте лексема *мужик* реализует своё прямое значение («крестьянин»), причём с его сужением: «крепостной крестьянин». Герой упоми-

нает деда (дед – «отец отца или матери» [9, III, с. 643]) и тем самым указывает на своё кровное родство с крестьянами. В рамках художественного пространства романа для нас это прежде всего свидетельствует о его кровной связи с деревней. Лаврецкий связан с деревней не только по происхождению, но и по роду занятий. «...Федор Иваныч обзавёлся всем нужным и начал жить – не то помещиком, не то отшельником» [10, с. 171]. Помещик – это «землевладелец-дворянин» [9, X, с. 1181], эта лексема имеет очевидную смысловую связь с лексемой *крестьянин*: во-первых, по В. И. Далю, помещик – «владелец крестьян» [3, с. 503]; во-вторых, лексемы имеют общую сему 'земля': крестьянин – земледелец, а помещик – землевладелец. И обе лексемы соотносимы с понятием «деревня».

Во время спора Паншина и Лаврецкого о судьбе России в завершение их диалога звучат такие слова: «[Паншин] – ... Что же вы намерены делать? – Пахать землю, – отвечал Лаврецкий...» [10, с. 204]. Слово *делать* употреблено здесь в самом широком смысле – «проявлять деятельность» [8, с. 136], таким образом, «пахать землю» означает деятельность героя, его занятие в жизни. *Пахать* («взрыхлять (почву) для посева» [9, IX, с. 318]) – это занятие прежде всего крестьянское (крестьянин – «тот, кто занят обработкой земли» [9, V, с. 1641]), то есть герой собирается связать свою деятельность с землёй – и деревней. И в эпилоге романа мы узнаём, что ему это удалось: «Он <...> действительно выучился пахать землю» [10, с. 252].

Таким образом, с помощью лексем, создающих семантическое поле «деревня» (*мужик, помещик, пахать*), писатель сообщает о кровной, органической связи героя с данным топосом – топосом деревни.

Наконец, в пространстве Лаврецкого топос деревни соединяется с топосом родины. «Он сидел под окном... и словно прислушивался... к редким звукам деревенской глуши» [10, с. 170]; «...скорбь о прошедшем таяла в его душе как весенний снег, и – странное дело – никогда не было в нём так глубоко и сильно чувство родины» [10, с. 171]. Чувство родины (а чувство здесь – «способность осознавать, переживать, понимать что-нибудь» [9, XVII, с. 1150]) – это способность героя, во-первых, ощущать Россию как родину, родную страну, во-вторых, осознать, открыть для себя подлинную, самобытную Россию.

Кроме того, в данном контексте лексема *родина* в синтаксической позиции несогласованного определения при слове «чувство» (ср., например, словосочетания «чувство боли», «чувство гордости» [8, с. 771]) приобретает дополнительный оттенок значения – «нечто, вызывающее в душе человека особые, специфические чувства и переживания». И такое отношение героя к родине рождается именно в пространстве деревни, которая обозначена сочетанием *деревенская глушь*. По своему значению слово *глушь* («место... оторванное от культурных центров» [9, III, с. 159]) может выступать как синоним деревни, что подкрепляется определением *деревенская*. Но в контексте слово приобретает и иные оттенки: в этом же эпизоде Лаврецкий говорит о себе: «Вот когда я на дне реки...» [10, с. 171] – говорит метафорически, и в слове *дно* (здесь: «почва под водой водоёма» [9, III, с. 826]) актуализируется денотативная сема 'нижняя часть, низ'. В результате смысловой корреляции слово *глушь* получает компонент значения «глубь, глубинка страны», а поскольку речь идёт о России, обозначенной лексемой *родина*, то *глушь* (*деревенская!*) – это «сердце» России.

О топосе родины мы уже говорили, что это наименование появляется только в пространстве Лаврецкого [7]. Примечательно, что в контексте именно с лексемой *родина* герой упомянут впервые в романе. «[Гедеоновский] – ...Лаврецкий Федор Иванович приехал... [Марфа Тимофеевна] – Человек возвратился на родину – куда же ему деться прикажете?» [10, с. 124]. Героиня говорит не «в Россию», а «на родину», чем подчеркивает, что для Лаврецкого Россия – родная страна. В контексте для глагола *деться* нет условий для реализации прямого значения «исчезнуть, пропасть» [9, III, с. 871]. В целом высказывание «куда ж ему деться прикажете» означает «ему больше некуда деться», и в таком семантическом окружении глагол *деться* приобретает значение «найти пристанище», а сема 'приют, пристанище' переносится в значение слова *родина*. Следовательно, в лексико-семантическом комплексе пространства Лаврецкого слово *родина* получает добавочную денотативную сему 'приют, пристанище', которая связывает понятие «родина» с понятием «дом» (как место, где можно найти приют, укрыться).

Обсуждение и выводы

Таким образом, в пространстве главного героя наиболее важными, актуализированными являются локус дома и топонимы деревни и России (родины). Лексические парадигмы, реализующие в тексте данные компоненты пространства, регулярно выступают в составе соответствующего семантического поля. Так, в проанализированном лексико-семантическом комплексе выделены два семантических поля: поле «дом» и поле «деревня».

Наблюдается также закономерное смысловое сближение лексических парадигм с доминантами *дом*, *деревня* и *родина* на основе общих сем. Наибольшее количество этих общих сем обнаруживает лексема *дом*, поэтому её можно признать доминантной в пространстве Лаврецкого. Доминанта *дом* возглавляет своего рода макрополе, объединяющее данные лексические группы и семантические микрополя.

Лексическая макрогруппа со значением «дом» в пространстве главного героя получает два смысловых направления (семантических типа): потери и приобретения. Взаимодействие героя с пространством дома осуществляется в пределах именно этих семантических векторов, разнонаправленность которых закономерна, так как «принцип противоречия – основной движущий механизм поведения литературного героя» (цит. по: [1, с. 122]). Лаврецкий еще не обрёл дома, не стал героем, который бы олицетворял связь с гнездом, но он уже осознал её необходимость, он дорог автору именно попыткой восстановить эту связь.

Лексические группы с пространственным значением и связанные с ними лексико-семантические поля в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» становятся средством, характеризующим героев, участвуют в создании речевого образа персонажа. Между героем и его пространством возникает взаимонаправленная связь. Смысловой доминантой в романе является понятие дома, родового гнезда, в структуре художественного пространства это – центральный локус, и герои Тургенева характеризуются прежде всего их отношением к дому. Для главного героя романа, Лаврецкого, пространство дома неотделимо от пространства деревни, а также от пространства родины. Топос родины (России) включает в себя

и топос деревни, и локус дома. На этой пространственной оси существует главный герой в романе, строит свою жизнь и выполняет свое предназначение – сохранить родовое гнездо. Отношение героя к дому, деревне и родине становится главной его характеристикой, делает его выразителем авторского замысла, основного комплекса идей писателя в романе.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 189 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – С. 234–401.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 736 с.
4. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
5. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: книга для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251–265.
6. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М.: Ось-89, 1999. – 192 с.
7. Моря Л. А. Россия в структуре художественного пространства романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»: лексико-семантические средства описания национально-этнического пространства // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 23–30.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. В. И. Чернышова. – М.; Л., 1948–1965.
10. Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. Отцы и дети. – М.: Худ. лит., 1983. – 543 с., ил. (Б-ка классики. Русская литература).

Lilia A. Morya

Artistic Space as a Means of Characterization in I. S. Turgenev's Novel "The Noble Nest" (Lexico-semantic Complex of Lavretsky's Space)

The article considers the category of artistic space from the point of view of lexical means of its expression based on the material of the novel by I. S. Turgenev "The Noble Nest". Within the category of artistic space, the space of the character is explored by the example of the protagonist of the novel "The Noble Nest" by Fyodor Ivanovich Lavretsky. The main toposes and loci (structural components of the artistic space in the work) associated with the main character of the novel and serving to characterize it are identified. So, the hero's space includes the locus of the house, as well as the topos of the village and homeland. The lexico-semantic means serving as the speech basis of the space of the protagonist in the novel are described, which include lexemes with both spatial and non-spatial meanings: first of all, these are the words of the lexico-semantic field "house" (house, houses, home-

less, chick, nest) and the lexico-semantic field "village" (toponyms Vasilevskoye, Lavriki; words and phrases peasant, landowner, plow the land, rural wilderness). The hero's attitude to home, village and homeland become his main characteristic, make him an exponent of the author's idea, the main complex of the writer's ideas in the novel.

Key words: artistic space, topos, locus, hero, character, lexeme, lexico-semantic field, lexical group, lexical meaning, sema, context.

For citation: Morya, L. A. (2023) Hudozhestvennoe prostranstvo kak sredstvo harakteristiki personazha v romane I. S. Turgeneva «Dvoryanskoe gnezdo» (leksiko-semanticheskij kompleks prostranstva Lavreckogo) [Artistic space as a means of characterization in I. S. Turgenev's novel "The noble nest" (lexico-semantic complex of Lavretsky's space)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 114–124 (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_114

References

1. Babenko, L. G. (1989) *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emocij v russkomazykye* [Lexical means of designating emotions in Russian]. Sverdlovsk: Izd-vo Uralskogo un-ta. (In Russian).
2. Bahtin, M. M. (1975) *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel] *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics: Studies of different years]. Moscow: Hud. lit. Publ. Pp. 234–401. (In Russian).
3. Dal, V. I. (1999) *Tolkovyy slovar russkogoazyky: Sovremennaya versiya* [Explanatory dictionary of the Russian language: Modern version]. Moscow: EKSMO-Press. (In Russian).
4. Kuharenko, V. A. (1988) *Interpretatsiya teksta* [Text interpretation]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
5. Lotman, Yu. M. (1988) *Problema hudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya* [The problem of artistic space in Gogol's prose] *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol: kniga dlya uchitelya* [At the school of the poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol: a book for the teacher]. Moscow: Prosveshchenie Publ. Pp. 251–265. (In Russian).
6. Lukin, V. A. (1999) *Hudozhestvennyy tekst: Osnovy lingvisticheskoy teorii i elementy analiza* [Artistic text: Fundamentals of linguistic theory and elements of analysis]. Moscow: Os-89 Publ. (In Russian).
7. Morya, L. A. (2019) *Rossiya v strukture hudozhestvennogo prostranstva romana I. S. Turgeneva «Dvoryanskoe gnezdo»: leksiko-semanticheskie sredstva opisaniya nacionalno-etrnicheskogo prostranstva* [Russia in the structure of the artistic space of I. S. Turgenev's novel "The Nest of Nobles": lexical and semantic means of describing the national-ethnic space] *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie – Humanitarian and Pedagogical Education* Vol. 5. No. 2. Pp. 23–30. (In Russian).
8. Ozhegov, S. I. (1984) *Slovar russkogoazyky. 16-e izd., ispr.* [Dictionary of the Russian language. 16th ed., rev.] Moscow: Rus. yaz. Publ. (In Russian).
9. Chernyshov V. I. (1948–1965) (ed.) *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogoazyky: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols.]. Moscow; Leningrad. (In Russian).
10. Turgenev, I. S. (1983) *Rudin. Dvoryanskoe gnezdo. Nakanune. Otcy i deti* [Rudin. Noble Nest. The day before. Fathers and Sons]. Moscow: Hud. lit. Publ. (In Russian).

дата получения: 24.03.2023 г.
дата принятия: 10.04.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 24 March 2023
date of acceptance: 10 April 2023
date of publication: 30 June 2023